

А. С. ЛАВРОВ

Стольник Иван Чубаров и его рассказы

Существуют сюжеты, которым, кажется, предназначено стать жертвой сложившегося разделения труда между историками. Так, исследователь политической и религиозной истории предпетровской России вряд ли обратится к материалам Тайной розыскных дел канцелярии времен «бирюзовщины». Справедливо и обратное — историк XVIII в. часто получает своих героев «готовыми», не задумываясь над предысторией их взглядов или родственных связей, уходящей в предыдущее столетие. Между тем хронологическая грань, искусственно проведенная между старой и новой Россией, проходит по жизни целого поколения. Житель Москвы, родившийся около 1660 г., мог в сознательном возрасте пережить стрелецкие восстания, встретить петровские реформы сорокалетним и уже стариком дожить до аннинского царствования. Именно таковой представляется судьба стольника Ивана Савельевича Чубарова, до сих пор не привлекавшая внимания исследователей.

Как уже было сказано, Иван Савельев Чубаров родился около 1670 г. — иначе ему вряд ли удалось бы послужить стольником при дворе царицы Натальи Кирилловны. Именно это обстоятельство, упоминаемое самим Чубаровым и находящее подтверждение в последней боярской книге,¹ служит главным аргументом в пользу достоверности его рассказов. По собственному утверждению Чубарова, после смерти матери Петра он был «взят к нему императору в денщики и носил за ним суму со всякою збруею и с лекарством, да он же, Чубаров, и в бомбандирской роте был».²

Не совсем ясно, что делал Чубаров от своего зачисления в бомбардирскую роту до 1721 г., когда против него впервые выдвинуто было обвинение в тайном содержании старой веры. Во всяком случае, за это время Чубаров успел построить дом в новой столице, «на Московской стороне за Литейным двором»,³ куда и переехал. Уже в 1722 г., когда дело Чубарова пошло по второму кругу, его дочь Мария Чубарова утверждала, что Чубаров «лежит на смертной постеле болше семи лет».⁴

Судьба Чубарова оказалась зависимой сразу от нескольких петровских учреждений, разбросанных по двум столицам. Это были московские

¹ Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 462.

² РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663. Дело о монахе Нифонте, вязниковце Василье Коренном, стольнике Иване Чубарове и других лицах, сужденных за принадлежность к расколу и за непристойные толки, л. 66 об.

³ РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 5, 1724 г., № 323, л. 2.

⁴ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 85, л. 80 об.

Приказ церковных дел и Раскольничья розыскных дел канцелярия, возглавляемая полковником Плещеевым, а также петербургская Тайная канцелярия во главе с небезызвестным графом П. А. Толстым и, наконец, Святейший Синод, перемещавшийся из одной столицы в другую.

Само дело началось с того, что Чубарову как-то удалось обратить на себя внимание архиепископа новгородского Феодосия (Яновского) — правой руки царя в церковных вопросах. Само по себе это неудивительно — в истории с другой дворянской старообрядческой семьей Павловых Феодосий сыграл подобную же роль. По указанию владыки Тайная канцелярия посадила Чубарова в Петербурге под домашний арест «за его болезнь».⁵

На следующий год Чубаров вновь привлек к себе внимание. Его «человек» Афанасий Мошнов донес на него в Приказ церковных дел о том, «что он Чубаров с женою своею и з детьми и с людьми имеет раскол».⁶ По этому доносу Приказ церковных дел провел в московском доме стольника выемку документов. В результате в руки властей попали старопечатные книги, а также письмо, привлечшее внимание самого царя. В письме, подписанном неким Дмитрием и адресованном самому Чубарову, а также Василисе Герасимовне и Марии Ивановне (очевидно, первой жене и дочери стольника), содержалась следующая просьба: «...егда у нас время будет мятежное, но токмо не оставте своя милости до нас, убогих сирот...».⁷ Впоследствии сам Чубаров утверждал, что доносчик был «беглым», а письмо — «воровским, подметным».⁸

Петр приказал «как возможно сыскивать и розыскивать» о том, что имелось в виду.⁹ Так Чубаров вновь оказался в ведении Тайной канцелярии, прибегшей к прежней мере пресечения — домашнему аресту. Однако перспективы политического дела в отношении старика показались небольшими, в связи с чем глава Тайной канцелярии граф П. А. Толстой и сообщил синодальному обер-прокурору, что «по оному писму никакой важности не признаетца».¹⁰ В результате из обвинений против Чубарова осталось только одно — тайный раскол. В соответствии с этим Чубаров подлежал ведению Синода. Но в Синоде считали, что исповедовавшийся и причащавшийся Чубаров уже никаких подозрений не вызывал.¹¹

Однако уже в 1724 г. дело пошло по новому кругу. Причина была, очевидно, в какой-то личной вражде возглавлявшего Раскольничью розыскных дел канцелярию полковника И. Плещеева к Чубарову. Во всяком случае, впоследствии Чубаров будет утверждать, что полковник мстил ему «за прежние приказные мои с ним ссоры». Так или иначе, плещеевская Канцелярия требовала от Синода выслать Чубарова в Москву под караулом.¹²

⁵ Там же, л. 80, 90. Этот архивный шифр соответствует, если так можно выразиться, «первому» делу Чубарова, отложившемуся среди документов Тайной канцелярии.

⁶ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 85, л. 23 об.—24.

⁷ Там же, л. 23—23 об.

⁸ Прошение И. С. Чубарова на высочайшее имя, до 21 декабря 1724 г.: РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 5, 1724 г., № 323, л. 14. Последний архивный шифр соответствует «второму» делу Чубарова, сохранившемуся в Синодальном архиве.

⁹ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 85, л. 23 об.—24; РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 5, 1724 г., № 323, л. 9 (письмо И. Плещеева И. Л. Воейкову, 19 февраля 1721 г.).

¹⁰ РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 5, 1724 г., № 323, л. 13 (цитируется по устному сообщению обер-прокурора Святейшего Синода И. Болгина, внесенному в протокол Синода от 6 ноября 1724 г.).

¹¹ РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 5, 1724 г., № 323, л. 6 об.

¹² Там же, л. 1—1 об. (Указ из канцелярии Святейшего Синода в Санкт-Петербургскую синодальную правления канцелярию, 12 июня 1722 г.), л. 14 (прошение И. С. Чубарова на высочайшее имя, до 2 декабря 1724 г.).

Во исполнение этого поручения 22 июня 1724 г. из Синодальной канцелярии на дом к Чубарову был отправлен лейб-гвардии солдат Алексей Куров. Куров нашел Чубарова дома. Стольник заявил ему, «что он за болезнь своею иттить с ним в Канцелярию Святейшаго Синода не может, понеже де давно хворает». Сам Куров подтвердил слова Чубарова, рассказав в Синоде, что «он Чубаров ногами скорбен и весь дряхл».¹³ 30 июля на дом к Чубарову отправилась целая синодальная комиссия — сам секретарь Василий Тишин, копиист Федор Попов и солдат Иван Терский. Очевидно, дом Чубарова было не так просто найти — уже побывавшего там солдата Курова пришлось послать в Медицинскую канцелярию, чтобы он проводил к Чубарову доктора, необходимого для окончательного решения. Доктор запаздывал, и синодальной комиссии пришлось ждать его «до восьмого часа пополудни», что и неудивительно, поскольку возвращаться на Петербургскую сторону, где находилось присутствие, было неблизко. Вынужденно оставшиеся в доме Чубарова на полдня синодальные служащие заметили, что «оной Чубаров болен и весьма дряхл, а какою болезнию, того не знатно».¹⁴ Ясность в последний вопрос внес на следующий день «медицины доктор» Арнольдус фон дер Гулст (расписавшийся в документе как Arnoldus von der Hulst Med. Doctor), определивший диагноз — «чечуйная болезнь», от которой Чубаров «весма ослаб, и покамест он в силу не придет, то ево в дорогу посылать трудно».¹⁵

Мнение медицинского светила оспаривать сложно. Однако сомнение вызывает одно обстоятельство — развитая Чубаровым после смерти Преобразователя активность может свидетельствовать либо о том, что его здоровье резко пошло на поправку, либо о том, что его состояние не было столь драматическим.

Не сумев вытребовать Чубарова в Москву, Плещеев ограничился тем, что отписал его деревни. Даже после того, как все обвинения в адрес Чубарова отпали, деревни все равно оставались отписанными. И вот в 1727 г. больной потребовал паспорта для поездки в первопрестольную, чтобы самому хлопотать о делах. Сам понимая некоторую несообразность того, что его новое доношение подшивается к тому же делу в Синоде, что и отзыв Гулста трехлетней давности, Чубаров писал: «А я нижайший, волею Божию и доднесь скорбею, а затем делом в Москве ходить и решения просить без меня некому, чего для хотя с великою трудности намерен ехать в Москву».¹⁶

Паспорт Чубарову был выдан, а его старания все-таки увенчались успехом, иначе не сидеть бы ему пять лет спустя на завалинке около своего дома в селе Ознобишино Муромского уезда. В конце 1730-х гг. Чубарову пришлось снова столкнуться с политическим сыском. На этот раз показания против него даны были посадскими людьми из Вязников — Василием Коренным и Алексеем Синцовым. В 1732—1735 гг. они приходили в дом Чубарова в Ознобишине, просили милостыни, а иногда оставались ночевать на два дня или даже на неделю. Коренный и Синцов вместе с дворовыми и крестьянами собирались послушать Чубарова. Интерес к рассказам старика был вполне объясним: Чубаров связывал своих слушателей с придворной сферой, о которой они имели самое фантастическое

¹³ РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 5, 1724 г., № 323, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 4.

¹⁵ Там же, л. 5 (31 июля 1724 г.).

¹⁶ Доношение И. С. Чубарова в Св. Синод, сентябрь 1727 г.: РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 5, 1724 г., № 323, л. 20—20 об.

представление. Разговор облегчала и общая вера — как и его собеседники, Чубаров был старообрядцем. Все это вместе стирало сословные перегородки и делало возможным контакт, который был бы для младших современников Чубарова просто нежелательным — вспомним мнение младшего современника Чубарова В. Н. Татищева о невозможности в России иметь «кирхеншпили» (органы местного самоуправления), потому что среди крестьян нет умных людей.

Рассказы Чубарова представляли собой что-то среднее между придворной «гисторией» и старообрядческими повестями о Никоне. К сожалению, его рассказы дошли лишь в составе свидетельских показаний его слушателей — сам Чубаров отрицал даже факт бесед. В результате первоклассный образец «устной истории» петровского времени приобрел некоторый налет фольклора, а многочисленные имена царевен, иноков и других исторических лиц, названные Чубаровым, просто выпали. Тем самым родившийся в «старообрядческом филиале» столичной барочной культуры сюжет спустился этажом ниже и, ценой смены жанра, стал органической частью народной культуры.

В центре рассказов Чубарова находятся образы Никона, Алексея Михайловича, Натальи Кирилловны и Петра. В тождестве Никона с антихристом Чубаров, кажется, не сомневался. Даже Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь он считает не построенным по образцу Храма Гроба Господня, а подражанием Соломонову Храму. Ссылка при этом делалась на четвертую главу «Кирилловой книги», в которой, по Чубарову, утверждалось, что антихрист «Соломонову церковь создаст прелести ради».¹⁷

Согласно Чубарову, Никон «с некоторою боярынею, а со своею кумою, жил блудно и после блуда как они окачивались водою, и на той де скверной воде оной Никон месил просвиры, и розсылал в Москве по всем соборам, и тою де ересью у всего священного чина разум помрачил, и того де ради весь священной чин волю ему дали и руки приложили старую правую веру переменить».¹⁸

Основной мотив этого рассказа — обвинение патриарха не только в нарушении монашеского обета, но и основ духовного родства. Последнее считалось тяжким деянием как в церковном праве, так и в народной традиции. Обвинения Никона в блуде — типичный топос старообрядческой литературы XVII в. В XVIII в. на смену им придут крайне характерные для эпохи обвинения в колдовстве.¹⁹

Что же касается самой боярыни, то в ее образе, кажется, переплелись черты Анны Ртищевой и царевны Татьяны Михайловны. Анна Ртищева (в замужестве Вельяминова) и ее отец Михаил Алексеевич Ртищев были

¹⁷ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 69—69 об. В данном случае ссылка Чубарова вполне проверяема и лояльна (чего нельзя сказать о некоторых других приводимых им цитатах): антихрист придет, «глаголя себе от колена Давыдова, хотящу Соломонову церковь создати» (Кириллова книга. М., 1644. Л. 40 об.).

¹⁸ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 66.

¹⁹ Так, согласно статьям о Никоне, приложенным к «Житию Корнилия Выговского», Никон носит под стельками крест и образ Богородицы — типичное поведение колдуна (Перетц В. Н. Из истории старинной русской повести. I. Повести о патриархе Никоне // Университетские известия. Киев, 1907. № 8. С. 98—100. Список датирован 1778 г.). Это нельзя не связать с нарастающим преследованием колдовства. Характерно, что Чубаров отразил не современный ему топос «Никона — колдуна и чернокнижника», а апеллировал к ставшим анахронизмом в его время обвинениям в нарушении седьмой заповеди (о толках о Никоне см. подробнее: Перетц В. Н. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв. // ИОРЯС. 1900. Т. 5, кн. 1. С. 123—190; Бубнов Н. Ю. Сказания и повести о патриархе Никоне // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 3. С. 459—462).

для автора «Повести о боярыне Морозовой» «возлюбленными сосудами Никоновыми», а диакон Федор дразнил ее «Анна, Никонова манна». ²⁰ Кажется, что более или менее сдержанная позиция появится лишь в старообрядческих памятниках начала XVIII в., когда вспомнят о ее заступничестве за Ивана Неронова. ²¹ Очевидно, что если речь шла именно о ней, то Чубаров остается здесь целиком в рамках старообрядческой традиции XVII в.

Зато царица Наталья Кирилловна изображена Чубаровым в высшей степени положительно — «она де была благочестивая, а не преступница» (не забудем, что он служил стольником при ее дворе). Она не только милостива, но и склонна к расколу: «...первого де императора матушка имела при себе в полатах тетрадь писменную, в которой писано до лица государя царя Алексея Михайловича, как он еще здравствовал, а Никон патриарх жив был, зело поносно и обличительно ему Никону патриарху, чтоб он государь тех обличителей, которые в той тетради написаны, послушал, и велел бы ево Никона патриарха злаго своего губителя и прелесника и еретика и Антихриста злою смертью казнить. А тело ево смрадное и богомерское жечь, а пепел, собрав, отвести в агарянскую или в другую какую весьма поганую землю, и там розвеять, а в российской земле того пеплу не розвеивать, а о тебе де государе самом також, де хотя и время приближилось, токмо мы все единодушно, которые еще сохранены десницею Божиею от вашего преступления со слезами и с великим воздыханием и постом вышняго Содетеля и Творца будем просить и молитца, чтоб тебе государю тот грех Господь царь Небесный отпустил, и на нас де на всех грехи твои все буди, токмо де ты нас послушай и вели по прежним старопечатным книгам, которые засвидетелствованы и страшными клятвами запоручены, от седми вселенских соборов, толко де он государь в том их не послушал, и того обличителя, которой тое тетрадь ему государю подал, обще с Никоном патриархом казнил, и тое де тетрадь матушка ево императорская в великой чести у себя имела, и после кончины своей отказала ему Чубарову, токмо де та тетрадь с протчими книгами в селе ево Чубарове сгорела». ²²

Кажется, что сама по себе характеристика царицы Натальи как покровительницы старообрядцев чисто сказочная, но это не так. Подтверждение ей мы находим в «Истории о стрельцах и челобитной о вере» Саввы Романова, который упоминает о посланнице царицы, некоей «Прасковье Павловне», предупредившей староверов о грозящей им опас-

²⁰ Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 130—131 (здесь Ртищева обвинена в том, что пыталась вместе с отцом склонять Феодосью Морозову и Евдокию Урусову к признанию новых обрядов); Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 118. Вообще в старообрядческой литературной традиции XVII в. об А. М. Ртищевой-Вельяминовой много непроверяемого — так, Аввакум приписывает ей попытку богословского спора со Спиридоном Потемкиным, кстати приходившимся ей дядей, выпады в свой адрес — она будто бы говорила: «А и протопоп Аввакум! Коли тебя извод возьмет!». Кроме того, он ссылается на авторитет боярыни Морозовой, которая якобы срамила Анну Ртищеву «и в дому, и в Верху». Все это не поддается проверке по каким-либо другим источникам (Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 5, ч. 2. Сочинения бывшего юрьевецкого протопопы Аввакума Петрова. М., 1879. С. 374; Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 260).

²¹ См. подробнее: Козловский И. Ф. М. Ртищев. Историко-биографическое исследование. Киев, 1906. С. 93—94.

²² РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 67, 71 об.—72.

ности.²³ Само по себе покровительство старообрядцам было в условиях лета 1682 г. знаком крайней политической наивности (эта черта была характерна для Нарышкиных в целом и стоила им семилетней изоляции от власти). Зато, очевидно, сочувствие «старой вере» могло опираться на семейную традицию. Старообрядкой была жена дяди царицы, боярина Федора Полуехтовича Нарышкина — Евдокия Петровна (кстати, дочь выходца из Шотландии Петра Гамильтона). После смерти мужа, последовавшей в 1676 г., она переселилась в свое алатырское село Лобачево, где к ней вынуждены были поставить стражу. Несмотря на это, Евдокия Нарышкиной удалось бежать со всеми чадами и домочадцами и скрыться в лесах в Арзамасском уезде, где ее выследили и взяли под стражу только в 1681 г.²⁴ Вся эта история не только была хорошо известна царице Наталье Кирилловне, но и вынуждала ее занимать какую-то позицию — и как племяннице опальной, и как вдовствующей царице, наделенной некоей минимальной возможностью влиять на события.

В этой связи крайне интересным оказывается еще одно сообщение Чубарова — в покоях Натальи Кирилловны скрывается «Соловецкия обители уставщик». Чубаров назвал было и имя уставщика, но слушатели запомнили его. Когда уставщика нужно было спасти от преследований, его переодели в женскую одежду и вывели из царских покоев.²⁵ К сожалению, безымянного уставщика не удалось отождествить ни с одним из известных из документов лиц.²⁶

Зато царевна Софья Алексеевна, в полном соответствии с исторической правдой, предстает в рассказах Чубарова как гонительница старообрядцев. В результате весь конфликт старой и новой веры представлен у Чубарова как конфликт мачехи и падчерицы, в котором на стороне первой выступает сын — он же сводный брат, царь Петр Алексеевич. Подобное упрощение вообще характерно для фольклора — такова, например, эволюция духовного стиха о Егории, где конфликт между родителями-язычниками и дочерью-христианкой заменяется на гораздо более понятный для слушателей и исполнителей конфликт матери и падчерицы.²⁷ Правда, в этом случае — в соответствии с симпатиями самого Чубарова и его слушателей — роли переворачиваются и мачеха, за которую заступает ее родной сын, одолевает падчерицу. Может быть, благодаря подобной смене ролей («добрая мачеха — злая падчерица»), версия Чубарова почти не привилась в фольклоре, а образ Софьи Алексеевны, освещенный отраженным светом от гораздо более популярного и положи-

²³ История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // *Летописи русской литературы и древности*. М., 1863. Т. 5. Отд. II. С. 131; ср.: Буланин Д. М., Орлов К. В. Савва Романов // *Словарь книжников*. Вып. 3, ч. 3. С. 322—324. Поскольку Савва Романов был, подобно собеседникам Чубарова, вполне чужд придворной сфере, можно предположить, что он перепутал отчества и что речь идет о боярыне княгине Прасковье Ивановне Ромодановской, «маме» царицы (*Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук*. Вып. 1. XVIII в. М.; Л., 1956. С. 41, 49). Показательно, что тот же Савва Романов упоминает о пожелании старообрядцев о том, чтобы на «прени о вере» присутствовала «благочестивая царица Наталья Кирилловна» (*История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова*. С. 116). Вторая вдовствующая царица, Марфа Матвеевна, не удостоилась не только подобного наименования, но просто не была упомянута.

²⁴ Pascal P. Avvacum et les débuts du raskol. Paris, 1969. P. 524—525; Michels G. *Muscovite Elite Women and Old Belief* // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 19. Essays presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. 1995. P. 442-443.

²⁵ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 68 об.

²⁶ Парфентьев Н. П. *Профессиональные музыканты Российского государства XVI—XVII вв.* Челябинск, 1991.

²⁷ Новиков Ю. А. К вопросу об эволюции духовных стихов // *Русский фольклор*. Л., 1971. Т. 12. С. 208—220.

тельного образа В. В. Голицына, также в целом рисуется в светлых тонах. Это касается и баллады о Василии и Софье, и исторических песен о В. В. Голицыне.²⁸

Сам дворцовый переворот 1689 г., покончивший с регентством и давший реальную власть в руки Нарышкиных, представляется в рассказе Чубарова как конфликт в крестьянской или посадской семье, заканчивающийся закономерным торжеством брата над сестрой: «...и он император, схватя ее царевну, ударил о землю и бил топтунами, а потом стулом бархатным, и тот стул об нее весь изломал, и которые де с нею царевною были, и те де видев то все розбежались, а мы де тому были ради, для того, чо де та царевна великая была гонительница на староверцов».²⁹

Здесь Чубаров более или менее точно рассказывает историю переворота 1689 г.: неудачную поездку Софьи к Троице, выдачу Федора Шакловитого, розыск по его делу и заточение Софьи в Новодевичьем монастыре: «А потом де как у него императора учинилась смута с стрельцами, и с теми де стрельцами некоторыя от бояр думали заодно, чтоб ево императора перевести, и как де о том ему императору донесли, и он де император по тех бояр послал, и те бояря были в полатах у царевны Софьи Алексеевны, и она было де их не хотела отдать, и те посланныя ей сказали, ежели де ты не отдашь, то де мы с тобою другим числом поступим, и в том де твоя воля, и она де царевна тех бояр оным посланным отдала, да и сама де за ними скоро приехала, токмо на очи ему императору не явилась, а взехала де в некоторой монастырь, и он де, император, уведав о том, поставил около того монастыря крепкой караул, и тое царевну из оного монастыря выпускать никуды не велел, и взятых бояр розыскивал, а потом к оной царевне ходил сам и, бив ее валком и топками, оставил еле живу; и оттого де та царевна занемогла и постриглась, и в старицах наречено ей имя Сусануо и, постригшись, умре вскоре...».³⁰

На самом деле царевна сначала едет в Троице-Сергиев монастырь, пока ее не остановил на полдороге боярин И. Б. Троекуров. Затем Софья возвращается в Москву, куда к ней присылают другого посланца Петра — полковника С. Г. Сергеева (он в рассказе Чубарова произвольно объединен с Троекуровым), потребовавшего выдать Шакловитого.³¹ Только после выдачи Шакловитого Софья покидает Кремль и уезжает в Новодевичий монастырь. Пострижена же царевна была только после событий 1698 г. Все эти события Чубаров толковал, опираясь на апокрифическое «Слово» Ипполита папы римского, согласно которому лев змею уьет. Льва Чубаров отождествлял с Петром, а Софью — со змеей.

Образ Петра в понимании Чубарова глубоко противоречив. Приверженность Петра к новой вере вызывает неприязнь, но в ненависти Петра к Никону в то же время заложена определенная амбивалентность этого образа.

После смерти царицы Натальи Кирилловны — «кончины матушки его императорской», следовавшей в 1694 г., Петр едет в Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь, куда, по Чубарову, поехали «в то де

²⁸ Балашов Д. М. Василий и Софья (баллада о гибели влюбленных) // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 92—106. В интерпретации песен о В. В. Голицыне мы гораздо ближе к Т. П. Ден, нежели к К. Stiefy; Stief K. A moscovite lampoon // Scandoslavica. Copenhagen, 1954. Т. 1. S. 78—86; Ден Т. П. Песни о В. В. Голицыне // Русский фольклор. Л., 1971. Т. 12. С. 263—265.

²⁹ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 68 об.

³⁰ Там же, л. 68 об.—69.

³¹ Невилль де ла. Записки о Московии. М., 1996. С. 155.

число многие болших бояр жены». Сама по себе такая поездка не невероятна, поскольку покровительницей монастыря была тетка Петра, царевна Татьяна Михайловна. Когда «многие болших бояр жены ездили... к той гробнице приложитца, для того, что де те боярыни ево Никона почитали за святого, и он де император тем боярыням посмеялся, и говорил, какой де они милости ищут от еретика и от Антихриста, он де отца моего оболстил, а за ссорою де и клел, поедем-ка мы к нему, побываем. И как де он император в Воскресенское приехал и тогда тое Никонову гробницу велел открыть и ударил в голову ево полашом и говорил: вот де тебе, за то, что ты отца моего оболстил и клел...». Это Чубаров толковал, опираясь на апокрифическую ссылку на четвертую главу «Кирилловой книги» о том, что живой зверь мертвого победит.³²

Здесь перед нами как бы устная история в третьей степени — Синцов и Коренной рассказывают следствию о том, как Чубаров рассказывал им о том, что Петр рассказывал о патриархе Никоне (если последний рассказ не был вообще апокрифом, то он мог дойти до Чубарова также, скорее всего, в пересказе). «Рассказы» Петра о Никоне были вообще популярны в XVIII в., причем они всегда были маркированы безоговорочным осуждением (один из них был даже доставлен Павлу I).³³ От официальной устной истории, представленной слашавыми анекдотами, рассказы Чубарова отличаются вполне определенный эсхатологический подтекст. Именно Петр по-смертно обличает Никона как антихриста — но одновременно провидит и какую-то свою, зловещую роль: «...а говорил де он император о показанном Никоне патриархе, что он Антихрист, зная о том Божественное Писание, понеже де он император был великий чтец Божественного Писания, того де ради и о себе говорил, что мне огонь кипит, токмо де сему времени быть так, для того хотя бы не я, и бы де иной вместо меня, а был же».³⁴

Обвинение в том, что он антихрист, бросают в лицо Петру, по Чубарову, и его сестры. «И царевна Екатерина Алексеевна з другую царевною ж и с которою сказал имянно, толко он Коренной ныне сказать запаматовал, потому что де между тех царевен и им императором учинилась немалая некоторая ссора, и того де ради он император в Санктпитебурхе взяв их ночью разыскивал и при тех розысках оныя царевны ему императору говорили: ты де не царь, ты де вторый Максимиан, и он де императору напротив того им говорил, а что де вы о себе помышляете, не благочестивыми ли царевнами быть, всуе де, не труждайтесь, вы де антихристовы дочери, и розыскав их той же ночи и нарядя в то ж платье, в котором привезены, велел отвести в их покой, откуда они были взяты, а караулу за ними быть не велел».³⁵

³² РГАДА. ф. 7 (Тайная канцелярия). № 663, л. 69 об. Вообще всяческие толки о смерти Никона и о его гробе были очень характерны для описываемого времени. Острота вопроса связана была с отождествлением Никона с антихристом — умерев, Никон, совершенно очевидно, разрушил доводы тех, кто прилагал эсхатологические вопросы именно к нему. Случи, ходившие в начале XVIII в. относительно останков Никона, очень хорошо передал Иван Посошков: «...едини глаголот, яко весь цел и земля никаковья части тела его не приняла, токмо весь посинел; друзии же глаголот, яко черви всего снесоша и с костями, и токмо едины волосы во гробе лежат, инии же паки глаголот, яко гроб его и с ним провалился сквозе землю и из тоя пропасти исходит смрад великий». Всем этим клеветникам Посошков — искренний почитатель патриарха — предлагает самим поехать в Воскресенский монастырь (Посошков И. Т. Зерцало очевидное. Редакция полная. Издал А. Царевский. Казань, 1895. Вып. 1. С. 62).

³³ Два рассказа Петра Великого о патриархе Никоне, с примечаниями протоиерея Петра Алексеева (1797) // Русский архив. М., 1863. Вып. 8—9. С. 697—707.

³⁴ РГАДА. ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 70.

³⁵ Там же.

Последний рассказ, если на минуту забыть о его эсхатологической направленности, очень близок к рассказам о жизни царской семьи, распространявшимся в самой широкой среде и регулярно составлявшим обвинительную часть для процессов по «слову и делу государеву». Так, согласно показаниям «девки» Прасковьи Григорьевой, жена солдата Федосья сообщала следующую полужанровую версию событий в верхах: «Доселева де одной ц[аревне] было время; а как де г[осударь] совокупился законным браком, и ея де воли ни в чем не стало и та де царевна, рняясь за то, гос[ударыню] царицу Прасковью Федоровну испортила, посылала к ней девку в мыльню с кореньем, и за то де г[осударь] тое царевну бил, и с дворца сбил долой, и она де ушла в село Измайлово в ночи одна; а про тое де порчу г[осударь] розыскивал, и тое девку, которая вносила коренья пытал, и та де девка была брюхата; и после де того г[осударь] царицу сослал в монастырь, и сказал ей, чтоб она жаловалась Богу на тех людей, кто над нею так учинил».³⁶

В одном из рассказов Чубарова оказались объединены воспоминания об участии духовенства в ассамблеях и о Всешутейшем соборе: «Да он же де император, то же сквернение чинил многим душам таким образом. Во многия де времена созовет к себе на банкет архиереев, архимандритов и игуменов и других монахов, и велит про них припасти кушанье, изрубить в белой капусте мышей намелко, и лапки их оставить, да тут же велит намешать семги и осетрины, и прежде де им поднесет по большому хрустальному стакану водки, и другими напитками напоит допьяна, и оное кушанье поставит перед них пьяных, и скажет им, что де то семга и осетрина, и как они то кушанье поедят, и он же император велит перед них принесть помянутыя мыши лапки, и скажет им: „Вот де вы, дурачье, ели мыши, а не рыбу“ и они де, увидя все выблюютца и пол загадят, только де он император в том на них не сердился».

Сюжет о рыбе, подмененной мышинным мясом, кажется типично сказочным, которому лишь придан исторический антураж. На самом деле указатель сказочных сюжетов такой темы не знает.³⁷ Очевидно, что это все-таки попытка «завершить», придать сказовую форму известному событию — запрету духовенству являться незваному на ассамблеи.

В целом рассказы Чубарова дают необыкновенно цельный и многогранный образ Петра-антихриста, не находящий дословных соответствий в других судебно-следственных делах или в старообрядческой публицистике петровского времени.³⁸ Уверенность в том, что антихрист уже пришел в мир, как и отсутствие каких бы то ни было упоминаний о духовенстве, позволяет нам предположить, что Чубаров относился к крайне немногочисленной группе — дворян, симпатизировавших беспопцам.

Крайне примечательной является сложившаяся в доме Чубарова конфессиональная ситуация. Согласно рассказу Степаниды Чубаровой — очевидно, второй его жены — одному из свидетелей, Чубаров на первых порах «тайлся» от нее в своих разговорах о вере. После этого у них произошел следующий разговор: «Да помянутая де Чубарова жена Степанида сказывала ему Коренному наодине, как де оной ее муж Чубаров на ней женился, и тогда де вышепоказанных всех слов и о всем, что

³⁶ Новомбергский Н. Я. Материалы по истории медицины в России. Томск, 1907. Т. 4. № 162. С. 695 (1704 г.).

³⁷ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

³⁸ Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.

ныне Антихрист царствует, ничего ей не объявлял, а с кем де оному ее мужу о том и прилучитца разговаривать, то де он от нее таился, а как де она стала ему говорить, для чего де ты и мне того не объявляеш, что с людьми разговариваеш, и оной де ее муж напротив того ей говорил, для того де, что ты внешняя, а не православная, и она де ево спросила, почему де я внешняя, того не знаю. И оной ее муж ей сказал: крестисся ты щепотью, и вся неправоверная, веть де у нас в Российском государстве уже давно вера неправая, и на царстве де последней Антихрист, о котором Божественное Писание повествует, что ему не быть невозможно, и это де, что вы тремя персты креститесь, печать ево Антихристова, а до настоящего де сего времени все святни крестилис двумя персты и бород не брили, как ныне посмотри де и сама на святых иконах, что они крестилис двумя персты, и бритого де ни одного, и в платье в немецком во святых нет. За то де мы им и молимся, что они Господу Богу угодили, а паче де Божественное писание тех святых отец в старопечатных книгах обо всем том известно напечатано, да и кончина де миру сему уже пред самая очи наши предста, а имянно двести пятидесятого году грядущия сея осмая тысящи не приступит никакоже, да и ближе де того опасатца надобно, и того де ради она Степанида с тем мужем своим о всем вышеописанном уверилась, и когда де мы доживем Святыя недели, аи тогда де тое неделку празнуем до субботы, а в субботу де в вечеру надеваем на себя одежду старую и тое ночь всю молимся, для того, что де в тое ночь на Фоминой воскресеньи будет кончина мира сего».³⁹

Этот разговор тем более знаменателен, поскольку в иной среде, кроме дворянской, он просто непредставим. Для крестьянской или посадской среды справедливо было бы положение о том, что «старообрядец — это муж старообрядки» (и наоборот). Такое же долгое существование двух конфессий под одной крышей (конечно, это был очень индивидуальный случай) свидетельствует об определенной частной сфере, которая была в дворянской доме у каждого из супругов, что и получит дальнейшее развитие в XVIII в. Эта ситуация, в целом для России нетипичная, могла бы напомнить о Речи Посполитой в XVII в., где подобное положение было делом вполне обыкновенным.

Свидетельские показания отразили и беседу Чубарова с «помещиком Карауловым», который, согласно свидетельскому показанию, был ему «союзен» (то есть, очевидно, сочувствовал старообрядцам). За чтением книг Чубаров сказал своему собеседнику, «что ныне у нас в российском государстве вера по свидетельству Святаго Писания неправая». Караулов ответил, «что разве бы тогда неправая вера была, кабы де был Антихрист, а то веть де ныне Антихриста нет». Чубаров не согласился: «А ныне де что, веть де ныне уже Антихрист, толко веть вы куды смотрите». «Какой де ныне Антихрист», — удивился Караулов, отметив, что «он де... и сам о Антихристе писание знает, что Антихрист будет, а при нем де будут беси и чувственные человеки, а ныне де бесей нет». Чубаров возразил: «А мы де хто? Веть мы то беси-та и чувственные человеки, потому где де ныне на нас образ христианской? Где бороды, где одежа, веть де и беси та прежде были ангели, а когда не соблюли своего начальства и от Содетеля отступили, тогда стали беси, тако де и мы когда до Никонова патриаршества была в Российском государстве вера православная, тогда были христиане, и как де ныне отступили и весь образ христианский изменили, тогда стали беси. Полно, де ты таких учителей не видал, каких я видал!».⁴⁰

³⁹ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 70 об.—71.

⁴⁰ Там же, л. 72—72 об.

Круг чтения Чубарова был достаточно широк. В него входила «Кириллова книга», Синаксарь, из которого он читал слово в неделю мясопустную об антихристе, а также «книга Федора Вальсамана» (имеется в виду византийский канонист Федор Вальсамон),⁴¹ которую ему, как он утверждал, отказала по духовной Наталья Кирилловна и которая сгорела у него «в пожарное время». С опорой на нее и на книгу «Мир с Богом» Иоанникия Голытовского он рассказал Коренному историю происхождения табака, а потом по его просьбе надиктовал следующую выписку из книг на эту животрепещущую тему: «...тот табак от ссак самого сатаны, а корень де того табаку зародился тогда, как повелением Божиим архистратиг Михаил того сатану сверзил с небес, и тот де сатана испужався уссался и осквернил землю, и от тех ево ссак взятся от земли корень, и израсте проклятая и богомерская табака, и как де я вам об оном сказываю, так де в тех книгах и напечатано».⁴²

Саму ссылку приходится сразу отбросить из-за хронологической несообразности — табак был завезен из Нового Света и никаких комментариев по нему византийский канонист дать не мог. Рассказ Чубарова, кажется, целиком опирается на отечественную традицию.⁴³ Согласно наблюдениям Т. Ф. Волковой и Н. В. Понырко, в ней присутствуют два основных объяснения — более архаическое и вытесняющее его, связанное с «христианской культурой». Согласно первому, табак растет на могилах грешников, согласно второму — берет начало «прямо... из ада».⁴⁴ Показательно, что, убеждая своих собеседников, Чубаров уверенно присоединяется именно ко второму объяснению.

На следствии престарелый стольник ничтоже сумняшея опроверг все показания, данные против него. Заявил он и о том, что не исповедует старой веры. В результате Чубаров и его жена были освобождены на поруки 22 ноября 1739 г.⁴⁵ Об их дальнейшей судьбе ничего не известно.

Показания Чубарова, конечно же, нельзя использовать прямо, хотя он и был современником большинства тех «событий», о которых рассказывал. Средостение, возникшее между дворянином Чубаровым и его собеседниками — посадскими людьми, очевидно, старше петровской реформы. Не исключено, что Чубаров уже сознательно упрощал свои рассказы, приспособлявая их к уровню знаний своих слушателей. Сама по себе идея создать «фольклорный» общий язык для общения с нижестоящими по социальной лестнице или просто с дворовыми была далеко не уникальна. Созданный Чубарову в сыновья В. В. Головин (родился в 1696 г.) содал своего рода домашний ритуал, основанный на «фольклор-

⁴¹ Там же, л. 67 об., 73 об. Скорее всего, имеется в виду Федор Вальсамон — патриарший номофилакс и хартофилакс, с 1193 г. патриарх антиохийский, автор толкования на полный состав церковных правил («Синтагму») и на Номоканон Фотия. О нем см.: Нарбеков Василий. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 1. Историко-каноническое исследование. Казань, 1899; Красножен В. Толкователи канонического кодекса Восточной Церкви. М., 1892. С. 125, 128.

⁴² РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 73.

⁴³ Сводку см.: Львов Д. М. Легенда о происхождении табака // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1898. Т. 14, вып. 6. С. 593—600; Волкова Т. Ф., Понырко Н. В. Повести о табаке // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 3. С. 44—47. Хотя не случайна и попытка опереться на византийский источник — подобная же апокрифическая ссылка содержится и в повести XVII в., носящей название «Сказание от книги, глаголемыя Пандок, о хранительном былии, мерзком зелии, еже есть траве табаце...», согласно которой табак — трава, выросшая на могиле блудницы Иезавели (Львов Д. М. Легенда о происхождении табака. С. 593—600).

⁴⁴ Волкова Т. Ф., Понырко Н. В. Повесть о табаке. С. 44—47; там же литература вопроса.

⁴⁵ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), № 663, л. 91.

ных» текстах (с Чубаровым его сближает и то, что попал под следствие в годы «бириновщины» и даже провел некоторое время в тюрьме). Утром по окончании правила к нему являлись с докладами дворецкий, ключник, выборный и староста. Их впускала и выпускала горничная Пелагея Петровна Воробьева. Каждому из них она говорила: «Входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, с чистотою и молитвою, с докладами и за приказами к барину нашему государю, кланяйтесь низко Его боярской милости. Помните ж накрепко». Сам Головин спрашивал о том, все ли благополучно. Дворецкий при этом должен был отвечать следующим образом: «В церкви святой, в ризнице честной, в доме вашем Господском, на конном дворе и скотном, в павлятнике и журавлятнике, везде в садах, на птичьих прудах и во всех местах, милостию Спасовою, все обстоит, Государь наш, Богом хранимо благополучно и здорово». На ночь старосте отдавался следующий наказ: «Скажите сотским и десятникам, чтоб все они от мала до велика жителей хранили, строго соблюдали, обывателей от огня неусыпно сберегали бы и глядели б и смотрели, нет ли где в деревнях смятения (Целееве, Медведках, Голявине), не будет ли на реках Икше, Яхроме и Волгуше волнения, не увидите ли на небесах какого-нибудь странного явления, не услышите ли под собою ужасного землятресения. Коли что такое случится, или диво какое приключится, о том бы сами не судили, и ничего такого не рядили, и в ту пору к господину приходили, и все его милости боярской доносили, и помнили б накрепко».⁴⁶ Не следует полагать, что здесь стилизованные под фольклор формулы призваны помочь дворовым выступить со своего рода «рапортом» о положении в вотчине, который был бы понятен им самим. Задача несколько шире — здесь сделана попытка сохранить и поддержать некую коммуникацию между вотчинником и дворовыми, которая сужалась из-за стремительно нараставших статусных и культурных различий.

В этом случае рассказы Чубарова действительно вполне уникальны — не столько в силу их содержания, сколько из-за аудитории, к которой они обращены. Чаще всего исследователю приходится иметь дело с показаниями крестьян или дворовых, записанными подьячими или канцеляристами. В связи с этим стало общим местом упоминать о том, что следователь XVIII в. серьезно отличается от фольклориста или специалиста по «устной истории» — и по технике записи, и по поставленным задачам. В случае Чубарова ситуация прямо противоположна: первая фиксация его рассказов принадлежит как раз тем, кто обычно оказывался допрашиваемым и подсудимым. Все это делает рассказы Чубарова совершенно необычными в жанровом отношении: они в равной мере напоминают старообрядческую публицистику и исторический анекдот XVIII в.

⁴⁶ Родословная Головиных, владельцев с. Новоспасского. М., 1847. С. 43. Текст неоднократно использовался в литературе. Ср., например: Кириченко О. В. О благочестии русских дворян 18 века // Православие и русская народная культура. М., 1994. Кн. 3. С. 211—214.